

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.10

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
РЕАЛИЙ**

**TRADITIONS AND
INNOVATIONS IN THE
SOCIAL SPHERE OF RUSSIAN
SOCIETY IN TERMS
OF MODERN REALITIES**

Суркова Ирина Владимировна

Соискатель Института социологии
и регионоведения,
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ivsurkova@yandex.ru

Irina V. Surkova

Applicant,
Southern Federal
University,
Rostov-on-Don,
e-mail: ivsurkova@yandex.ru

В данной статье поднимаются и выводятся на уровень социологической концептуализации проблемы, вызванные противоречиями в переходе к инновационной стратегии развития и решения актуальных социальных проблем. Автор обращается к социальной сфере как предмету социологической рефлексии и практики в условиях российских реалий и анализирует противоречивое пространство традиций и инноваций, сформировавшееся в результате постсоветских трансформаций. Ключевая идея статьи связывается с необходимостью учета исторического прошлого в процессе инноватизации социальной сферы и развития социальных институтов, что находит отражение в теоретической традиции неинституциональной парадигмы.

The problems raised by the contradictions in the transition to the innovative development strategy and solving urgent social problems are raised and brought to the level of sociological conceptualization. The author turns to the social sphere as a subject of sociological reflection and practice in terms of Russian realities; the contradictory character of traditions and innovations that was formed as a result of post-Soviet transformations is analyzed. The key idea of the article is associated with the need to take into account the historical past in the process of social sphere innovation and development of social institutions, which is reflected in the theoretical tradition of the neoinstitutional paradigm.

Ключевые слова: социальная сфера; инновации; традиции; инновационное развитие; социальная справедливость; социальное развитие; неоинституционализм.

Keywords: social sphere; innovations; traditions; innovative development; social justice; social development; neo-institutionalism.

Введение

Социальная сфера российского общества как противоречивое пространство традиций и инноваций привлекает значительное внимание ученых с того самого момента, как постсоветские преобразования вызвали серьезные изменения и структурные трансформации в жизни социума и его базовых социальных институтов (Куда идет ... , 1998). Кризисный характер функционирования российского общества во всех жизненно важных сферах жизни вызвал необходимость в социологическом осмыслении причин, факторов влияния, социальных ресурсов и последствий динамичных преобразований и негативных явлений в развитии сложившейся в постсоветский период социальной реальности (Волков, 2018). Это осмысление на уровне социологических исследований длится до сих пор, потому что спустя 25 лет российское общество по-прежнему стоит перед необходимостью решения порожденных эпохой кардинальных реформ социальных проблем (Горшков, 2016).

Не менее актуально и теоретическое поле исследования социальной сферы, в частности, самого понятия социальной сферы, которое, как отмечает Т.И. Заславская, имеет две различные трактовки: 1) как подсистема общества, обеспечивающая воспроизводство, необходимое качество жизни, духовное и интеллектуальное развитие индивидов и охватывающая институты семьи, труда, образования и воспитания, спорта, здравоохранения, искусства и науки; 2) как система отношений, определяющая систему социального неравенства и социальную структуру общества, что ставит в центр научного внимания отношения между различными социальными группами, слоями и поколениями, а также региональными, гендерными, поселенческими, отраслевыми и иными социальными общностями (Заславская, 1998. С. 7).

Сама Т.И. Заславская полагает, что, несмотря на имеющееся различие между двумя подходами к социальной сфере, они являются взаимодополняющими сторонами одного явления, а потому могут использоваться в совокупности для анализа социальных проблем в контексте анализа социальной сферы общества. Нам представляется, что такой подход верный, хотя приоритет следует все же отдать второй интерпретации социальной сферы, которая акцентирует внимание на анализе социальных неравенств в обществе в тесной взаимосвязи с проблемами

социальной справедливости, динамике развития различных социальных групп и общностей в контексте развития гражданских прав и свобод и реализации социальной политики государства. В данном интерпретативном ключе дают определение социальной сферы И.Ф. Албегова и Ф.Г. Албегов, понимая под ней «пространство сложных социальных отношений и связей между различными элементами социума по поводу их социального статуса, равенства и неравенства в обществе» (Албегова, 2016. С. 118). В этом смысле социальная сфера может рассматриваться как социальная детерминанта общественных отношений, отражающая их и качество в каждом сегменте общественного развития – в экономике, культуре, семье, политике, управлении и т.д.

Традиции и инновации в социальной сфере российского общества: постановка проблемы и теоретическая рефлексия

Этнокультурная мозаика Российского государства и его регионального пространства определяет неоднозначный характер влияния инноваций и их сочетания с традиционными устоями населяющих Россию народов. Данная проблема нуждается в пристальном внимании со стороны социологов, потому что глобальное информационное пространство, в которое погружен современный мир, унифицируя ценности и нормы, установки и модели поведения, разрушая традиционный уклад жизни, веками определявший траекторию жизни обществ и государств, порождает многочисленные проблемы.

Эти проблемы возникают потому, что общественное развитие в эпоху глобализации и информатизации принимает разнонаправленные и противоречивые формы: традиционализации и модернизации (Голобородько, 2015). Первая обусловлена реакцией на глобализацию, несущую тенденции универсализации и унификации, и связана со стремлением общества отстоять свое право на самобытность, уникальность, что в ряде случаев имеет и негативные последствия, так как происходит реанимация тех форм и образцов жизни, которые уже не отвечают ни внутренним установкам и потребностям народа, ни внешним вызовам. Так, к примеру, происходит в сфере семейно-брачных отношений северокавказских народов, возрождающих давно отжившие формы семьи и брака, не встречающих массовой поддержки у населения (примером может служить многоженство) (Загирова, 2017).

Модернизация как форма общественного развития, противостоящая архаизации, ориентирована на интенсивное внедрение и распространение инновационных социальных практик, которые ставят под вопрос традиционные типы и модели социального поведения, отрица-

ют эффективность и значимость традиционных ценностей и норм, а потому зачастую вызывают кризисные симптомы в социокультурной динамике.

Данные обстоятельства актуализируют проблему сочетания традиционного и инновационного в пространстве социокультурных отношений, особенно в полиэтничных регионах с сильным кластером этнокультурных традиций. Население таких регионов достаточно болезненно реагирует на разрушительное воздействие глобализационных процессов. Осмысление причин и факторов кризисных явлений, порождаемых сочетанием традиций и инноваций в полиэтничных государствах, которых в современном мире большинство, обуславливает необходимость теоретического анализа данной проблемы и ее обоснования с позиций имеющихся концепций и подходов.

В этой связи обратимся к теории традиции, основы которой были заложены еще О. Контом, впервые поднявшим вопрос о традиции и осознавшим ее значимость для общественного прогресса, основой которого она является. Очень верно замечание российского социолога, одного из видных специалистов в области теории традиции А.Б. Гофмана о том, что само понятие «традиция» не могло появиться в традиционном обществе, которое, руководствуясь традициями, не задумывается над тем, что они собой представляют (Гофман, 2015. С. 91). Значимость традиции и необходимость ее понимания на уровне научного понятия существуют тогда, когда она вступает в противостояние с не-традицией, когда ей угрожают инновации, когда сама социальная жизнь уже перестает мыслиться в категориях традиционного. Вот тогда возникает вопрос о том, что несет с собой традиция – социальное зло и прогресс? Этим вопросом задавался К. Маркс, отвечая на него в духе негативного восприятия традиции как фактора, препятствующего социально-историческому прогрессу, а потому интерпретируемого как социальное зло (Гофман, 2015. С. 102–103). Значимый вклад в теорию традиции был внесен Э. Дюркгеймом, рассматривающим ее как принудительную силу внеиндивидуального характера, упадок которой является отклонением от нормы, хотя и временным, но именно это отклонение от нормы в процессе ослабления влияния традиции и составляет суть социальной эволюции (Гофман, 2007. С. 66).

Ослабление традиции Дюркгейм связывает с ростом миграций и урбанизации, когда традиции не проходят проверку на прочность и авторитетность ввиду острой потребности социума в инновациях, и носителями этих инноваций становится молодое поколение как более

мобильное, открытое для восприятия нового и его использования в своих социальных практиках.

Таким образом, дихотомия «традиция – инновация» является предметом социологического осмысления еще со времен классической социологической мысли, и в этом направлении развивал также свои идеи автор эволюционной концепции Г. Спенсер. Он полагал, что не стоит противопоставлять традицию и инновацию, поскольку они не существуют друг без друга и выступают неотъемлемой частью эволюции, составляя ее два важнейших аспекта (Гофман, 2015. С. 107). При этом он совершенно справедливо и прозорливо указал на то, что резкое, необдуманное и насильственное разрушение традиционных устоев жизни, традиционных институтов может нарушить нормальный ход общественной жизни, вызвать социальные катаклизмы, особенно если отсутствуют способные заменить их социальные институты.

И действенность этого предупреждения Спенсера российское общество ощутило на себе очень сильно и не один раз в своей истории, когда резкое разрушение социального порядка и переход к новому сопровождалось разрушением институциональной системы с ее важнейшими для функционирования общества институтами семьи, образования, религии, экономики и т.д. В условиях отсутствия эффективных социальных институтов, способных заменить разрушенные, в обществе наступал хаос, оно погружалось в кризисное состояние как следствие социальной аномии, социальной безнормности, ибо ценностно-нормативное пространство регулируется социальными институтами и определяется их устойчивостью.

Сложности и противоречия инновационного развития социальной сферы российского общества: почему это происходит?

Если мы обратимся к современной России, пережившей 25 лет назад очередное социальное потрясение в виде резкой смены общественного порядка и политического режима, то увидим, что до сих пор важнейшие социальные сферы общества еще находятся в кризисном состоянии, небезопасном для жизнедеятельности граждан и перспектив дальнейшего развития Российского государства (Верещагина, 2016). Реальность показывает, что общество так и не решило целый ряд социальных проблем, таких как бедность и социальное расслоение, снижение духовности и социального здоровья, развитие гражданских прав и свобод, кризис рынка труда и трудовых ценностей и т.д. (Жизненный мир ... , 2016).

Разве не показатель кризисной оценки состояния социальной сферы России тот факт, выявленный российскими социологами, что абсолютное большинство жителей страны во всех регионах постоянно испытывают тревогу и опасения, связанные с негативными социальными явлениями, и среди проблем, беспокоящих россиян в крайней степени, на первом месте оказались социально-экономические (рост тарифов на жилье, коммунальные услуги, уровень бедности в стране, низкие зарплаты и пенсии, низкое качество медицинского обслуживания) (Долгорукова, 2017). В такой ситуации, безусловно, стоит ожидать рост социальной напряженности, и, как отмечает М.К. Горшков, этот рост уже имеет место быть, а «ухудшение массовой оценки перемен, произошедших в стране за прошедший год, явилось результатом неоправдавшихся надежд населения на ослабление кризисных явлений» (Горшков, 2017. С. 6).

При всей региональной специфике России негативное состояние социальной сферы и снижение социального самочувствия на фоне роста тревожности и беспокойства наблюдаются во всех регионах страны, жители которых, вполне осознавая происходящее в стране, проявляют достаточно высокий уровень оптимизма в отношении будущего страны при всем том, что не верят в собственные возможности что-либо изменить, отличаясь высоким уровнем пассивности и замыкаясь в микромирах, в приватном пространстве (Волков, 2017).

Почему это происходит? Объяснение этой ситуации мы находим в положениях неинституциональной теории, в рамках которой выражается идея исторической зависимости в институциональной динамике общества (Норт, 1997). С помощью этой теории настоящее состояние развития социальных институтов объясняется их траекторией развития в историческом прошлом. Эта идея развивается также в концепции социальной инерции (зависимости от прошлого пути – path dependency), в рамках которой в терминах причинно-следственной связи объясняется динамика преимущественно соседствующих во времени фаз развития обществ, институтов или индивидов, что позволяет выявить конкретные институциональные механизмы, обеспечивающие преемственность (Ильин, 2017. С. 32). Эта теория позволяет ответить на вопрос о том, как социальные институты прошлого сохраняются на новом этапе исторического развития, когда, казалось бы, их уже не должно быть.

Данный вопрос актуален и для современной России, в которой советские социальные институты не только не ушли в прошлое, но и продолжают оказывать значительное влияние на общественное развитие и переживают второе рождение. Это отчетливо проявляется на

примере политических институтов, в системе взаимодействия общества и власти, функционирования системы управления, в моделях социального поведения жителей России (Ментальные программы ... , 2017). Устойчивость российской институциональной матрицы позволяет также объяснить сложности перехода к демократии и построения гражданского общества (Кондратчик, 2015).

Вывод

Итак, реалии современного российского общества ставят перед учеными массу вопросов, и один из них связан с тем, почему же тяжело приживаются инновации в обществе, почему институциональная система общества столь долго находится в кризисном состоянии?

С опорой на теоретические установки, освещенные в данной статье и связанные с неоинституциональной парадигмой, прежде всего, можно сказать, что ситуация заключается в следующем: традиционные институты, даже если кажется, что они разрушаются, никуда не исчезают, а сосуществуют с новыми институтами, порождая противоречивое институциональное пространство взаимодействия, в котором проявляется эффект исторической зависимости, в свою очередь, определяющий статус и значимость традиций как источника развития или блокирования инноваций – все зависит от того, насколько комплементарны новые институциональные нормы исторически сформировавшимся и являющимся традиционными для данного общества.

Именно по этой причине так важно знать традиционные основы устройства общества, его ментальные основания как продуцирующие модели социального поведения не только в настоящем, но и в будущем. А в условиях полиэтничной структуры общества этот аспект приобретает дополнительную значимость, так как сложные в этническом отношении макрорегионы, к которым относится российское общество в целом и его отдельные регионы, значительно дифференцированы по степени восприимчивости инноваций в зависимости от собственной ментальной и институциональной матрицы. Именно это обстоятельство позволяло сохранять свой уникальный облик различным народам России в период и советских преобразований, и постсоветских трансформаций.

Этот фактор следует учитывать при планировании и внедрении социальных инноваций в различных регионах российского общества, а также анализе влияния глобализации и информатизации, последствия которых могут быть самыми различными в пространстве одного государства, имеющего сложное в этническом отношении строение.

Литература

Албегова И.Ф., Албегов Ф.Г. Социология социальной сферы как инновационное направление современного социологического знания: состояние и проблемы развития // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2, № 2. С. 117–121.

Верещагина А.В. Система комплексной безопасности современного общества в контексте национальной безопасности России в условиях новых вызовов и угроз / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, О.М. Шевченко. М. : РУСАЙН, 2016. 152 с.

Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса : в 2 кн. Ростов н/Д. : Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. Кн. 1. 278 с.

Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России. Ростов н/Д. : Изд-во Южного федерального ун-та, 2015. 306 с.

Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 5–13.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 1. 416 с.

Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М. : Новый хронограф, 2015. 496 с.

Гофман А.Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 63–73.

Долгорукова И.В., Кирилина Т.Ю., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 57–66.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под

References

Albegova I.F., Albegov F.G. (2016). Sociology of the social sphere as an innovative direction of modern sociological knowledge: the state and development problems. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. Vol. 2, No. 2. P. 117-121.

Vereshchagina A.V. (2016). System of complex security of modern society in the context of Russia's national security in the face of new challenges and threats/ Im A.V. Vereshchagin, S.I. Samygin, O.M. Shevchenko (Eds.). Moscow: RUSAYN. 152 p.

Volkov Yu.G. (2017). Private space: the experience of sociological reflection of the solidary potential of new social reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12. P. 20-29.

Volkov Yu.G., Lubskij A.V. (2018). Rossijskaya real'nost' v prostranstve sociologicheskogo diskursa: monografiya : v 2 kn. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta. Kn. 1. 278 p.

Goloborod'ko A.Yu., Lubskij A.V., Serikov A.V. (2015). Kul'tura, identichnost' i nacional'naya bezopasnost' Rossii. Rostov n/D. : Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta. 306 p.

Gorshkov M.K. (2017). Russian society in crisis development: contextual approach (article 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 5-13.

Gorshkov M.K. (2016). Russian society as it is (the experience of sociological diagnosis). In 2 volumes. M.: Novyy khronograf, Vol. 1. 416 p.

Gofman A.B. (2015). Tradition, solidarity and sociological theory. Selected texts. Moscow: New Chronograph. 496 p.

Gofman A.B. (2007). Tradition of Tradition in the Work of Emil Durkheim. *Sotsiologicheskij zhurnal*. No. 4. P. 63-73.

Dolgorukova I.V., Kirilina T.Yu., Mazaev Yu.N., Yudina T.N. (2017). Social anxiety and social fears of the population of Russia: sociological dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 57-66.

The life world of Russians: 25 years later (late 1980s - mid-2010) (2016). In

ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016. 367 с.

Загирова Э.М. Отношение дагестанских народов к гражданскому браку (по результатам социологического исследования) // *Logos et Praxis*. 2017. Vol. 16, № 2. С. 121–126.

Заславская Т.И. Социальные результаты реформ и задачи социальной политики // *Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика*. М. : Дело, 1998. С. 3–15.

Ильин В.И. Структура исторической колен России: проблемы методологии // *Мир России. Социология. Этнология*. 2017. № 4. С. 30–50.

Кондратчик Ю.К. Преодоление исторической инерции как основа осуществления трансформации социально-экономической системы России // *Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова*. 2015. № 1 (79). С. 53–59.

Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М. : Дело, 1998. 382 с.

Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / отв. ред. А.В. Лубский. М. : Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 180 с.

J.T. Toshchenko (Ed.). M.: TsSP i M. 367 p.

Zagirova E.M. (2017). Attitude of the Dagestan peoples to a civil marriage (based on the results of a sociological survey). *Logos et Praxis*. Vol. 16, No. 2. P. 121-126.

Zaslavskaya T.I. (1998). Social Results of the Reform and the Problems of Social Policy. *Where is Russia Going? Transformation of the social sphere and social policy*. M.: The Case. P. 3-15.

Ilyin V.I. (2017). Structure of the historical rut of Russia: the problems of methodology. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. No. 4. P. 30-50.

Kondratchik Yu.K. (2015). Overcoming historical inertia as the basis for the transformation of the socio-economic system of Russia. *Vestnik REA im. G.V. Plekhanova*. No. 1 (79). P. 53-59.

Where is Russia going? Transformation of the social sphere and social policy (1998). M.: Delo. 382 p.

Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia (2017). In. A.V. Lubsky (Ed.). Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 396 p.

North D. (1997). Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M. : Nachala. 180 p.

Поступила в редакцию

10 апреля 2018 г.